

УДК 81'373

СЕМАНТИКО-ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ЛЕКСИКО-ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОГО ПОЛЯ МЕТАЯЗЫКОВЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

М. С. ГУТОВСКАЯ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Рассмотрены мотивированность номинативных единиц и связанная с ней идиоматичность, показана градуальная природа обоих свойств. Предложена применимая как к лексемам, так и к фраземам классификация по типу связи между означаемым и означающим с различием фонетически, покомпонентно и ассоциативно-образно мотивированных и частично и полностью немотивированных единиц. Возможности применения ономаσιологической классификации продемонстрированы на примере русского и английского лексико-фразеологических полей метаязыковых (относящихся к языку и речи) обозначений. Определены соотношения мотивированных и немотивированных обозначений в метаязыковых полях (3,2–3,3 : 1) и в их лексических (1,6–1,9 : 1) и фразеологических (7,3–10 : 1) частях и относительная продуктивность разных видов мотивированности. Отмечено, что лексика в основном ориентирована на выражение общих понятийных значений, фразеология – на передачу частных эмотивных (преимущественно) и частных понятийных значений.

Ключевые слова: лексико-фразеологическое поле; метаязыковые номинативные единицы; мотивированность; идиоматичность; ономаσιологические различия между лексикой и фразеологией.

Образец цитирования:

Гутовская МС. Семантико-ономаσιологическое своеобразие лексико-фразеологического поля метаязыковых обозначений в русском и английском языках. *Журнал Белорусского государственного университета. Филология*. 2019;2: 29–41.

For citation:

Gutovskaya MS. Semantic-onomasiological peculiarity of the metalanguage lexical-phraseological field in the Russian and English languages. *Journal of the Belarusian State University. Philology*. 2019;2:29–41. Russian.

Автор:

Марина Степановна Гутовская – кандидат филологических наук, доцент; заведующий кафедрой английского языкознания филологического факультета.

Author:

Marina S. Gutovskaya, PhD (philology), docent; head of the department of English linguistics, faculty of philology. marina-gutovskaya@yandex.by

СЕМАНТИКА-АНАМАСІЯЛАГІЧНАЯ АДМЕТНАСЦЬ ЛЕКСІКА-ФРАЗЕАЛАГІЧНАГА ПОЛЯ МЕТАМОЎНЫХ АБАЗНАЧЭННЯЎ У РУСКАЙ І АНГЛІЙСКОЙ МОВАХ

М. С. ГУТОЎСКАЯ^{1*}

^{1*}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

Разгледжаны матываванасць намінацыйных адзінак і звязаная з ёй ідыяматычнасць, паказана градуальная прырода абедзвюх уласцівасцей. Прапанавана прыдатная як для лексем, так і для фразем класіфікацыя паводле тыпу сувязі паміж азначаемым і азначальным з адрозненнем фанетычна, пакампанента і асацыяцыйна-вобразна матываваных і часткова і цалкам нематываваных адзінак. Магчымасці выкарыстання анамасіялагічнай класіфікацыі прадэманстраваны на прыкладзе рускага і англійскага лексіка-фразеалагічных палёў метамоўных (звязаных з мовай і маўленнем) абазначэнняў. Акрэслены суадносіны матываваных і нематываваных абазначэнняў у метамоўных палях (3,2–3,3 : 1) і ў іх лексічных (1,6–1,9 : 1) і фразеалагічных (7,3–10 : 1) частках, а таксама адносна прадукцыйнасць розных відаў матываванасці. Адзначана, што лексіка арыентавана галоўным чынам на перадачу агульных паняццёвых значэнняў, фразеалогія – на выяўленне прыватных эмацыйных (пераважна) і прыватных паняццёвых значэнняў.

Ключавыя словы: лексіка-фразеалагічнае поле; метамоўныя намінацыйныя адзінкі; матываванасць; ідыяматычнасць; анамасіялагічныя адрозненні паміж лексікай і фразеалогіяй.

SEMANTIC-ONOMASIOLOGICAL PECULIARITY OF THE METALANGUAGE LEXICAL-PHRASEOLOGICAL FIELD IN THE RUSSIAN AND ENGLISH LANGUAGES

M. S. GUTOVSKAYA^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The paper considers motivation of nominative units and related to it idiomatycity, shows gradual nature of these properties. It proposes a classification of nominative units (lexemes and phrasemes) by the type of relationship between the signified and the signifier which distinguishes phonetical, component-based and associative motivation and partial and complete conventionality. It demonstrates the possibilities of applying the onomasiological classification by the example of the Russian and English metalanguage (connected with language and speech) lexical-phraseological fields. It determines the ratio of the transparent and opaque units in the fields (3,2–3,3 : 1) and their lexical (1,6–1,9 : 1) and phraseological (7,3–10 : 1) parts and the relative frequency of the various forms of motivation. It notes that the lexemes mostly convey general cognitive meanings, the phrasemes – particular emotive (predominantly) and particular cognitive meanings.

Keywords: lexical-phraseological field; metalanguage nominative units; motivation; idiomatycity; onomasiological differences between lexemes and phrasemes.

Введение

1. Проблематика, цель исследования. Ономасиология занимается вопросами номинативной техники и изучает способы представления значения в структуре знака. Одна из актуальных задач ономасиологии состоит в установлении возможных типов связи между означаемым и означающим номинативных единиц и выявлении соотношения мотивированных и немотивированных единиц в национальных языках.

Проблема мотивированности языка, природы языковых обозначений интересовала пытливые умы с древних времен. Первая в средиземноморской традиции дискуссия о природе имен развернулась в Древней Греции между сторонниками двух противоположных концепций слова, известных как теория фюсей и теория тесей. Приверженцы теории фюсей считали, что звуковая оболочка имени соответствует природе именуемой вещи, и доказывали «природную» мотивированность означающего означающим имени существованием в языке звукоподражательных слов и наличием сходства между

ощущением вещи и ощущением ее имени. Сторонники теории тесей отстаивали конвенциональность отношений между формой и содержанием и видели в именах условные установления, сознательно принятые людьми.

Изучением понятий означающего и означаемого и характера отношений между ними занимались Ч. С. Пирс, Ф. де Соссюр, Л. Блумфилд, Р. О. Якобсон, С. Ульман, Э. Бенвенист. Ч. С. Пирс разработал [1, с. 75–97], а Р. О. Якобсон во многом лингвистически конкретизировал [2; 3] классификацию знаков по степени мотивированности их означаемого означаемым. В ней различаются три класса знаков: знаки-индексы, в которых означающее смежно с означающим (в языке индексальные знаки представлены интонацией, междометиями, шифтерами); знаки-иконы, у которых означающее сходно с означаемым (звукоподражания); знаки-символы – условные знаки, для которых природная мотивированность означающего означаемым не характерна (большинство слов языка).

С оформлением структурной лингвистики в центре внимания оказались отношения между элементами языковой системы и фокус исследовательского интереса с первичной, природной мотивированности переместился на вторичную, внутрисистемную. Внутрисистемная мотивированность присуща производным словам и значениям: производные сохраняют в своей семантике и структуре указание на соотносительность с другими единицами языка, на базе которых они образованы. В зависимости от языкового уровня, к которому относятся деривационные явления, различаются несколько видов мотивированности производных единиц: фонетическая, семантическая, словообразовательная (морфологическая), синтаксическая.

Ономасиологические наблюдения показывают, что в каждом языке имеются как мотивированные – характеризующиеся первичной или вторичной мотивированностью, – так и немотивированные номинативные единицы. Удельный вес мотивированных и немотивированных обозначений и относительная активность отдельных видов мотивированности в разных языках могут быть различны. По данным В. Г. Гака, в русском и французском языках преобладают мотивированные слова: соотношение мотивированных лексических единиц – суффиксальных производных и сложных слов – и немотивированных единиц – простых слов, к числу которых в работе В. Г. Гака отнесены и конверсивы, – составляет 3 : 1 [4, с. 55, 59]. Во вьетнамском языке, по сведениям Н. В. Солнцевой, большинство слов являются немотивированными: доля непроединенных слов – 69 % [5, с. 138].

Проблема отношений между содержанием и формой номинативных единиц принадлежит к числу извечных проблем философии языка. Ее изучение имеет давнюю историю, однако многие аспекты в настоящее время остаются неясными. Отсутствуют критерии определения мотивированности, применимые к лексемам и фраземам. Лексические и фразеологические обозначения образуют единую номинативную систему. Для изучения лексико-фразеологической системы как сложного целого, определения места и роли в ней двух классов номинативных единиц, принципов их взаимодействия и номинативных функций насущной является задача выработки интегрирующего подхода и создания классификаций, адаптированных для обоих классов обозначений. Ощущается недостаток эмпирических данных о пропорциях мотивированных и немотивированных единиц в номинативных фондах национальных языков в целом и в их лексических и фразеологических составляющих в частности, а также о продуктивности разных видов мотивированности. Малоизученными остаются особенности представления значения в разнооформленных номинативных единицах – лексемах и фраземах. Решению названных актуальных проблем посвящена данная статья.

2. Теоретические основы, материал и методы исследования. В работе предлагается применимая и к лексемам, и к фраземам ономасиологическая классификация номинативных единиц с различением пяти дифференцированных по характеру мотивированности классов единиц – фонетически, покомпонентно и образно мотивированных, частично и полностью немотивированных.

Мотивированность в лексике и фразеологии тесно связана с идиоматичностью. Эти свойства номинативных единиц находятся в отношениях обратной пропорциональной зависимости: чем более явной является мотивированность единицы, тем меньше ее идиоматичность, и наоборот. Мотивированность и идиоматичность, как ономасиологические характеристики, определяются функциональными и семантическими признаками образующих номинативные единицы элементов.

Идиоматичность номинативной единицы проявляется в смысловой неразложимости соединения элементов. Традиционно идиоматичность изучается путем сопоставления значений, реализуемых компонентами в составе наименования, с их узуальными (общепринятыми и фиксируемыми словарями) значениями. Например, для того чтобы определить, является ли фразема идиоматичной, необходимо сопоставить словарные дефиниции значений фраземы и входящих в ее состав слов: сначала соотносятся буквальное и актуальное (приводимое в словаре) значения фраземы и каждому ее слову-компоненту приписывается условное значение, затем условное значение каждого слова-компонента сопоставляется со словарными значениями данного слова. Идиоматичными признаются фраземы, в составе которых

хотя бы одно слово выступает в неузуальном (не отмеченном словарями) значении, неидиоматичными – фраземы, все компоненты которых реализуют узуальные значения. Например, во фраземе *крепкое слово* ‘бранное или неприличное выражение’ (ФСРЛЯ, т. 2, с. 248) компонент *слово* употребляется в одном из своих узуальных значений ‘высказывание, словесное выражение мысли, чувства и т. п.’ (МАС, т. 4, с. 139), а компонент *крепкое* фигурирует в особом, отличном от словарных значений ‘бранное или неприличное’, следовательно, фразема является идиоматичной по компоненту *крепкое*. Подробно об идиоматичности и методе ее выявления говорится в другой работе автора [6].

Мотивированные наименования характеризуются членимостью структуры и семантики: они сформированы из элементов свободного употребления, их общее значение опирается на узуальные значения каждого из компонентов, т. е. оно неидиоматично. Строение таких номинативных единиц показывает способ представления некоторого содержания в языке [7, с. 92, 124]. Единицы *переименовать*, *reporter*, *канонический текст*, *word for word* являются мотивированными обозначениями соответствующих метаязыковых явлений. Они четко делятся на отдельные языковые элементы, а их значение формируется из значений элементов (хотя во многих случаях и не является простой их суммой): значение лексемы *переименовать* ‘дать кому-, чему-л. другое имя или название’ (Online БТС) – из значений вычленяющихся в ее составе основы глагола *именовать* ‘называть, давать имя, наименование’ (Online БТС) и приставки *пере-* ‘7. Обозначает повторение действия заново, еще раз или иначе’ (Online БТС); значение *reporter* ‘1. Тот, кто делает доклад; докладчик. 2. Сотрудник (газеты, телевидения), пишущий или передающий репортажи; репортер, обозреватель’¹ (Online FD) – из значений основы *report* ‘1. Делать официальное сообщение на определенную тему. 2. Писать или передавать репортажи в средствах массовой информации’ (Online FD) и суффикса *-er* ‘означает производителя действия, названного производящей основой’ (Online FD); значение фраземы *канонический текст* ‘подлинно авторский текст в его последней редакции, общепринятый для всех изданий этого произведения’ (ФСРЯ, с. 105) – из значений конституирующих ее слов *канонический* ‘1. Твердо установленный, принятый за образец’ (Online БТС) и *текст* ‘1. Слова, предложения в определенной связи и последовательности, образующие какое-л. высказывание, сочинение, литературное произведение, документ и т. п., напечатанные, написанные или запечатлѐнные в памяти’ (Online БТС); значение *word for word* ‘дословно, слово в слово’ (LID, р. 390) – из значений лексемы *word* ‘1. Слово, единица языка, служащая для называния отдельного понятия’ (Online FD) и предлога *for* ‘10. В составе наречных сочетаний передает усилительное значение’ (Online FD).

Немотивированные именованные неразложимы по форме и значению. Немотивированные единицы представляют собой «химическое соединение каких-то растворившихся и с точки зрения современного языка аморфных частей» [8, с. 29]. В этом случае с позиции синхронии невозможно определить причины, по которым некое значение оказалось выраженным конкретной номинативной единицей. Языковые единицы *буква*, *ask*, *сапоги всмятку*, *ad hominem argument* являются немотивированными, условными обозначениями. Лексемы *буква*, *ask* неделимы на морфы, их значение целостно. В них не отражено, почему лексемой *буква* в русском языке передается значение ‘графический знак в составе алфавита’, лексемой *ask* в английском – значение ‘задать вопрос’. Фраземы *сапоги всмятку* ‘ерунда, чепуха’ (ФСРЯ, с. 39) и *ad hominem argument* ‘аргумент, касающийся личных качеств, а не доводов собеседника’ (Online IFD) также отличаются структурной и семантической слитностью. Структурная цельность проявляется в том, что, несмотря на фонетическую и орфографическую раздельнооформленность фразем (их компоненты произносятся и пишутся раздельно), акцентологически и графически выделенные компоненты не обладают важнейшими свойствами слов – грамматической и семантической самостоятельностью – и оказываются обособленными от языковой системы. Компоненты фраземы *сапоги всмятку* не имеют форм словоизменения (фразема употребляется в фиксированном виде) и утрачивают в составе фраземы свои узуальные значения. Два первых компонента (латинизмы) фраземы *ad hominem argument* изолированы от системы английского языка, самостоятельно неизвестны английскому языку – в нем не существует таких слов за пределами фраземы. В семантическом плане обе фраземы выступают как единое целое: общее значение не выводится из значений частей, т. е. оно идиоматично. Внутренняя форма фразем затемнена. Для того чтобы установить связь между планом содержания и планом выражения этих языковых единиц, необходимо обратиться к этимологическим данным либо к сведениям из других языков.

Между двумя противопоставленными классами номинативных единиц – мотивированными неидиоматичными и синхронно немотивированными высокоидиоматичными обозначениями – имеются промежуточные случаи, и это позволяет говорить о градуальной природе обсуждаемых свойств и дифференцировать языковые единицы по степени мотивированности и идиоматичности. В зависимости от характера связи между означаемым и означающим представляется возможным разделить мотиви-

¹Здесь и далее толкования значений английских номинативных единиц, взятых из англоязычных словарей, переведены автором.

рованные наименования на три группы: единицы с фонетическим, покомпонентным и ассоциативно-образным способом мотивации; немотивированные обозначения – на две подгруппы: частично – по связанному компоненту – немотивированные и полностью немотивированные единицы.

Возможности применения представляемой ономаσιологической классификации демонстрируются на примере русских и английских метаязыковых обозначений. Материалом исследования послужил корпус употребительных лексических и фразеологических метаязыковых обозначений русского и английского языков, отобранный из современных словарей. Общий объем корпуса составил 4600 номинативных единиц, в их числе 1478 лексем и 1029 фразем русского языка, 1243 лексемы и 850 фразем английского языка. Процедура формирования исследовательского корпуса подробно описана в другой работе автора [9, с. 61–62]. За единицу исследования принимается номинативная единица – лексема, фразема.

Ономаσιологическая квалификация номинативных единиц осуществляется на основе анализа лексем и фразем с точки зрения их фонематического состава, структурной членимости – возможности выделения в их строении отдельных языковых элементов – и смысловой разложимости – степени соотносимости значений составных единиц со значениями их элементов.

Ономаσιологические классы метаязыковых обозначений в русском и английском языках

1. Фонетически мотивированные неидиоматичные номинативные единицы. Группу фонетически мотивированных образуют номинативные единицы со звукоподражаниями – элементами, имитирующими звуковые признаки явлений речи фонетическими средствами данного языка и самим своим звуковым обликом подсказывающие значения включающих их единиц: *xpунeть* ‘говорить хриплым голосом’ (*Online БТС*) (от звукоподражательного *xpu* (*Online ЭСРЯ*)), *whisper* ‘говорить шепотом’ (звукоподражательное слово (*Online ED*)); *разводить тары-бары* ‘болтать, заниматься пустыми разговорами’ (РФИЭС, с. 687), *yadda yadda (yadda)* ‘скучные, длинные речи’ (LID, р. 397) (фраземы построены на типичном для своего языка звуковом повторе). В номинативных единицах со звукоподражаниями связь между формой и содержанием проявляется отчетливо: означающее похоже на означаемое, звучание единицы имитирует называемые ею акустические признаки. Семантика обозначений этой группы обычно легко определяется носителями языка на основе элемента звукоподражательного характера. Они квалифицируются как неидиоматичные.

2. Покомпонентно мотивированные неидиоматичные номинативные единицы. Группу покомпонентно мотивированных единиц составляют словообразовательно мотивированные лексемы и предметно-логически мотивированные фраземы.

К словообразовательно мотивированным относятся лексемы с производной основой, опирающиеся на значения сочетающихся в них морфемных компонентов: аффиксальные производные (*переговариваться* ‘1. Обмениваться словами, короткими фразами. 2. вести переговоры, договариваться о чем-л.’ (*Online БТС*), *confirmation* ‘1. Действие по значению глаг. *confirm*. 3. Подтверждающее утверждение или доказательство’ (*Online FD*)) и безаффиксальные производные, среди которых выделяются сложения (*законопроект* ‘проект закона’ (*Online БТС*), *spokesman* ‘человек, который говорит от имени другого или других’ (*Online FD*)), сращения, образованные на базе словосочетания путем объединения двух или более элементов (*вполголоса* ‘негромко, не в полный голос’ (*Online БТС*), *so-called* ‘так называемый, обычно называемый определенным именем’ (*Online FD*)), аббревиации (*редколлегия* ‘редакционная коллегия (коллектив работников, ведущих издание, выпуск газеты, журнала и т. п.)’ (*Online БТС*), *loan* ‘4. лингв. Сокращенное от *loan word*’ (*Online FD*)), усечения основ (*факс* ‘= *телефакс*’ (*Online БТС*), *phone* ‘= *telephone*’ (*Online FD*)), конверсивы, возникшие в результате перехода лексемы из одного частеречного класса в другой (*ведущий* ‘2. Тот, кто ведет концерт, теле- или радиопередачу, сопровождая их комментариями’ (*Online ТСС*), *compound* ‘2. лингв. Слово, состоящее из двух или более элементов; сложное слово’ (*Online FD*) – производное от прил. *compound* ‘составной; сложный’ (*Online ED*)).

В семантическом плане производные лексемы по-разному соотносятся со значениями составляющих их частей. Некоторые производные неидиоматичны по семантике: их значение складывается из значений частей (аддитивный, или суммативный, тип словообразовательной деривации [10, с. 130]). Неидиоматичностью семантики характеризуются относительные прилагательные (*парадоксальный* ‘являющийся парадоксом; невероятный’ (*Online БТС*), *dramatic* ‘имеющий отношение к драме или театру; драматический’ (*Online FD*)), определительные наречия (*громко* ‘соотносится по значению с прил. *громкий*’ (*Online БТС*), *silently* ‘безмолвно, молча’ (*Online FD*)), существительные со значением отвлеченного признака (*вежливость* ‘отвлеч. суш. по значению прил. *вежливый*’ (*Online ТСС*), *clarity* ‘2. Ясность (о манере изложения, стиле)’ (*Online FD*)) и отвлеченного действия (*обсуждение* ‘процесс действия по значению глаг. *обсуждать*’ (*Online ТСС*), *accusation* ‘1. Процесс действия по значению

глагол *accuse* (Online FD)), многие безаффиксальные производные (примеры см. выше). Другим производным присуща некоторая (слабая) степень идиоматичности: их семантика не равняется сумме значений входящих в их состав частей, содержит добавочные семы (неаддитивная, или интегративная, деривация [10, с. 130]): лексема *читатель* (основа глагола + суффикс *-тель* со значением ‘производитель действия, названного производящей основой’) обозначает не только человека, который читает, но и посетителя общественной библиотеки (Online БТС); лексема *booklet* (основа существительного + суффикс *-let* со значением уменьшительности) указывает не только на размер книги, но и на тип ее обложки, объем и возможное содержание – ‘небольшая книга в мягкой обложке объемом не более 80 страниц, обычно содержащая рекламный материал, инструкцию по применению и т. д.’ (Online FD).

Предметно-логическая мотивированность присуща неидиоматичным фраземам, семантика которых выводится из узуальных значений компонентов. Н. Б. Мечковская показала, что с учетом типа узуального значения, реализуемого словом-компонентом во фраземе, – прямого, метонимически производного, метафорически производного – можно различать полностью неидиоматичные, слабо идиоматичные и частично идиоматичные фраземы [11, с. 167–168, 154].

Семантика полностью неидиоматичных фразем целиком складывается из основных узуальных значений слов-компонентов: значение фраземы *нисходящая интонация* ‘лингв. Интонация с постепенным понижением тона’ (ФСРЯ, с. 169) выводится из единственного значения слова *нисходящий* ‘убывающий, понижающийся’ (Online БТС) и прямого значения слова *интонация* ‘1. Ритмико-мелодический строй речи, чередование повышений и понижений тона при произнесении’ (Online ТСС). Полная неидиоматичность – явление достаточно редкое для фразеологии. Даже у тех фразем, значения которых включают в себя значения всех их слов-компонентов, в семантике часто присутствуют некие дополнительные семантические признаки, отличные от тех, что составляют значения слов-компонентов, а значит, создающие некоторую идиоматичность [12, р. 183]. Значение фраземы *канцелярский слог* ‘невыразительный, тяжелый слог, изобилующий принятыми в деловых бумагах словами и оборотами’ (ФСРЯ, с. 105) включает значения моносемантических компонентов *канцелярский* ‘соотносящийся по значению с сущ. *канцелярия* – отдел учреждения, ведающий делопроизводством’ (Online БТС) и *слог* ‘способ, манера словесного изложения; стиль’ (Online БТС), но не исчерпывается ими: в семантике фраземы имеются дополнительные семы ‘невыразительный’, ‘тяжелый’.

Семантика слабо идиоматичных фразем опирается на узуальные метонимически производные (возникшие в результате метонимического или синекдохического переноса) значения слов-компонентов: фразема *household word* ‘расхожее, широко известное слово’ (Online FD) является слабо идиоматичной по компоненту *household*, участвующему во фразеологической семантике своим словарным метонимическим значением ‘2. Хорошо известный’ (Online FD) (компонент *word* актуализирует словарное основное значение ‘1. Единица языка, служащая для обозначения отдельного понятия’ (Online FD)).

В составе частично идиоматичных фразем имеются слова (одно или более), реализующие узуальные метафорически производные (образованные на основе метафорического или функционального переноса) значения. Фразема *thorny question* ‘сложный, вызывающий противоречия вопрос’ (LID, р. 277) является частично идиоматичной по компоненту *thorny*, реализующему словарное метафорическое значение ‘3. Трудный, противоречивый’ (Online FD).

3. Ассоциативно-образно мотивированные идиоматичные номинативные единицы. Группу ассоциативно-образно мотивированных обозначений формируют лексемы и фраземы в переносных значениях, которые обнаруживают семантическую двуплановость, связь переносного значения с прямым. В случаях переносного употребления мотивированность обозначений оказывается опосредованной – осуществляется с опорой на их прямое значение – и обуславливается ассоциативным сходством между двумя явлениями – тем, что передано прямым значением, и тем, что выражено переносным: *пилить* ‘3. разг. Изводить, донимать непрерывными попреками, придирками; корить’ (Online БТС), *kick* (досл. ‘брыкаться’) ‘4.b. Возражать, перечить’ (Online FD); *тяжелая артиллерия* ‘о наиболее авторитетных аргументах, к которым прибегают, когда в споре исчерпаны собственные доказательства’ (ФСРЯ, с. 12), *call off the dogs* (досл. ‘отозвать собак’) ‘прекратить нападки, критику, переменить неприятную тему разговора’ (LID, р. 90; АРФС, с. 298). Именования этой группы являются идиоматичными, их содержание прямо не связано с формой.

4. Частично – по связанному компоненту – немотивированные и идиоматичные номинативные единицы. Группу частично немотивированных и идиоматичных единиц образуют номинативные единицы со слабой членимостью, в составе которых есть элементы несвободного употребления – связанные корни, или радикалоиды (термин Г. О. Винокура), уникальные аффиксы, или унификсы (термин Е. А. Земской [13, с. 59]), у лексем, уникальные синтагматически связанные элементы у фразем. Такие компоненты выделены из состава номинативной единицы лишь на фоне других, свободно функционирующих компонентов.

Слабой членимостью характеризуется лексема *добавить* '2. Сказать или написать в дополнение' (Online БТС): в ней с несомненностью различаются повторяющиеся в том же значении во многих других словах префикс *до-* ('2. Пополнение чего-л. до известной меры, до нормы, прибавка сверх чего-л.' (Online БТС): *докупить, досыпать*), суффикс *-и* и показатель инфинитива *-ть*, а радикалоид *-бав-* вычленяется только как остаток. Последний бытует в русском языке в связанном виде – в окружении аффиксов – и в современном восприятии сам по себе непонятен – его значение можно вывести из значений тех слов, в состав которых он входит: *прибавить* '4. Сказать, написать в дополнение к чему-л.' (Online БТС), *разбавить* '2. разг. Лишить что-л. силы, содержательности, однородности, добавляя что-л. постороннее: *разбавить рассказ ненужными подробностями*' (Online ТСС; Online БТС) и др. Слабой является членимость лексемы *length*: радикалоид *-leng-* выделяется по остаточному принципу, лишь на фоне распространенного и потому отчетливо различимого суффикса *-th*, в свободном виде в английском языке не встречается и самостоятельного значения не имеет.

В слабочленимых фразах в качестве синтагматически связанных элементов часто выступают устаревшие слова (историзмы, архаизмы: *обиняком говорить* 'говорить с помощью намеков, иносказаний' (ФСРЯ, с. 175)), слабо адаптированные заимствования (в русском и английском языках в основном церковнославянизмы и латинизмы, появившиеся как неточные кальки в переводах грамматик и богослужебных книг с греческого: *родительный падеж* 'грамм. падеж, отвечающий на вопросы: кого? чего?' (ФСРЯ, с. 242) (*родительный* – словообразовательная калька XIV в. греч. *genikē* во фразеологической кальке греч. *genikē ptōsis* 'родительный падеж' (Online ЭСРЯ)), а также слова, не имеющие оттенка устарелости, но утратившие свободу в сочетаемости (*poison-pen letter* 'анонимное оскорбительное письмо' (Online IFD)). Синтагматически ограниченные лексические компоненты нельзя считать автономными единицами языка – они существуют в языке и употребляются в речи только как компоненты определенной фраземы (одной или нескольких), их значение актуализируется только в составе фразем. Несвободный, фразеологически связанный статус таких слов сигнализируется в русской лексикографии: в общих словарях (словарях лексики и фразеологии), например в МАС, несамостоятельные синтагматически замкнутые слова приводятся как заголовочные слова отдельных словарных статей, но рассматриваются только в составе помещенных в ромбовой части (после знака ◇) фразем и не снабжаются толкованиями значений (толкуется только значение включающей их фраземы): *взгадать*. ◇ *ни вздумать, ни взгадать, ни пером описать* 'о ком-, чем-л. таком прекрасном, что трудно вообразить, передать' (МАС, т. 1, с. 165).

Обозначения со слабой членимостью являются идиоматическими по связанным компонентам. Семантика синтагматически связанных компонентов непрозрачна – они непонятны носителям языка вне состава тех номинативных единиц, в которых они закреплены. Это придает наименованиям идиоматичность. Мера непрозрачности уникальных компонентов и, соответственно, степень немотивированности включающих их обозначений могут быть различны. Адъективный компонент фраземы *диакритический знак* непрозрачен: корневая морфема греческого происхождения *-диакритич-* не встречается в общеупотребительных словах русского языка, и поэтому значение уникального слова-компонента не вполне понятно. Мера непрозрачности адъективных компонентов фразем *сложносокращенное слово* 'лингв. Слово, образованное из сокращенных частей слов, входящих в состав какого-л. наименования' (ФСРЯ, с. 264), и *hard-luck story* 'трогательная история о личных неудачах и перипетиях' (LID, p. 329) заметно меньше: фразеологически связанные компоненты представляют собой потенциальные сложные слова, их значение подсказывается значениями соединяющихся в них корневых морфем. Степень немотивированности у первой фраземы выше, чем у двух других.

5. Полностью немотивированные идиоматические номинативные единицы. Абсолютно немотивированными с точки зрения синхронии являются лексемы с нечленимыми, непроизводными основами: *весть* 'известие, сообщение' (Online БТС), *true* '4. Правдивый, искренний' (Online FD). Соотношение формы и содержания у таких лексем произвольно, условно. Значение никак не связано со строением.

Полная синхронная немотивированность присуща и безобразным идиоматическим фраземам, утратившим свое буквальное (этимологическое) значение. Затемненность буквального плана таких фразеологических единиц может быть обусловлена разными причинами экстра- и интралингвистического характера: забвением обстоятельств, в которых возник фразеологизм, выходом из употребления входящих во фразеологизм слов или отдельных значений слов, утратой словом грамматических форм и др. Во фраземе *благим матом* (*кричать/орать/вопить* и т. п.) имеется исчезнувшее слово *мат* со значением 'голос', а прилагательное *благий* употреблено в устаревшем значении 'сильный' (РФИЭС, с. 419). Во фраземе *curry favour* (досл. 'чистить скребницей благосклонность') 'стараться добиться чьей-л. благосклонности лестью, услужливостью' (LID, p. 115) алогичность буквального плана и непонятность мотива номинации связаны с изменением первоначальной формы оборота и утратой породивших его

ассоциаций: фразема возникла в результате искажения выражения *curry favel* ‘чистить скребницей рыжую лошадь’, в котором отражено средневековое представление о рыжей лошади как олицетворении хитрости и обмана (*Online IFD*).

Ономасиологическая структура поля

Соотношение мотивированных – фонетически, покомпонентно и образно – и немотивированных – частично и полностью – номинативных единиц в русском и английском метаязыковых полях составляет примерно 3 : 1. Количественное превосходство мотивированных наименований – вписанных в другие языковые и внеязыковые представления и обладающих самообъяснительной силой – говорит о том, что мотивированность приветствуется в обоих языках. Данные о распределении русских и английских метаязыковых обозначений по ономасиологическим классам, различающимся в характере мотивированности и степени идиоматичности, приводятся в таблице.

Удельный вес ономасиологических классов
поля метаязыковых обозначений в русском и английском языках

The proportion of the onomasiological classes
of the metalanguage lexical-phraseological field in the Russian and English languages

Ономасиологические классы по характеру мотивированности и степени идиоматичности		Русский корпус		Английский корпус	
		количество	%	количество	%
Мотивированные обозначения	Фонетически мотивированные неидиоматичные наименования	21	1	16	1
	Покомпонентно мотивированные неидиоматичные именованья	1057	42	672	32
	Ассоциативно-образно мотивированные идиоматичные обозначения	853	34	903	43
	<i>Всего мотивированных обозначений</i>	<i>1931</i>	<i>77</i>	<i>1591</i>	<i>76</i>
Немотивированные обозначения	Частично (по связанному компоненту) немотивированные и идиоматичные названия	140	6	38	2
	Полностью немотивированные идиоматичные наименования	436	17	464	22
	<i>Всего немотивированных обозначений</i>	<i>576</i>	<i>23</i>	<i>502</i>	<i>24</i>
Всего		2507	100	2093	100

Различия по языкам в продуктивности обсуждаемых типов мотивировки показывают, что мотивированность метаязыкового поля в русском языке является более явной, чем в английском. В русском материале больше процент наименований с прямой покомпонентной мотивированностью, тогда как в английском – с переносной образной, и меньше процент синхронно немотивированных именованья. В русском корпусе выше процент единиц, немотивированных по связанному компоненту, однако, ввиду того что доля наименований этого типа в корпусах обоих языков невелика, этот показатель существенно не влияет на общую более высокую мотивированность исследуемого номинативного поля в русском языке в сравнении с английским.

Межязыковые отличия в активности разных видов мотивированности определяются типологическим своеобразием рассматриваемых языков.

Доля образно мотивированных обозначений в переносных значениях и лексем, и фразем больше в английском материале, чем в русском. В английском – языке более аналитическом в сравнении с русским – у слов и словосочетаний активнее развиваются новые значения. В нем, как и в других языках аналитического типа, шире распространено переосмысление, более обыденным является переносное употребление уже существующих языковых единиц.

Процент обозначений с покомпонентной мотивировкой – словообразовательной у производных лексем, предметно-логической у фразем – в русском материале выше, чем в английском. Русский – язык с более высокой по сравнению с английским степенью синтетичности – обладает более развитой системой суффиксально-префиксальных средств, реализуемых в многочисленных моделях аффиксального словообразования, и чаще прибегает к морфемной деривации. Активнее русский язык использует и поясняемые своими компонентами составные фразеологические обозначения.

Доля непроизводных слов в английском корпусе больше, чем в русском. В более аналитическом в сравнении с русским английском языке богатый арсенал непроизводных основ отчасти компенсирует относительно небольшое количество приставок и суффиксов и обеспечивает материальную базу для шире распространенного в языках аналитического строя безаффиксального словообразования – сложения и конверсии. Сравнительно высокая продуктивность безаффиксальных способов деривации имеет морфемно-грамматические предпосылки: легкому соединению слов английского языка способствует меньшая (в сравнении с русским) морфологическая выраженность в нем категории падежа; грамматической перекатегоризации – смене частеречной принадлежности слова – благоприятствует слабая морфологическая маркированность частей речи.

Различия между лексикой и фразеологией с точки зрения ономасиологических свойств мотивированности и идиоматичности

В русском и английском языках ономасиологическая организация метаязыковой лексики и фразеологии различна: три наиболее активных типа мотивированности – покомпонентная, образная, произвольная (отсутствие мотивированности) – имеют в лексике и фразеологии разный ранг.

Соотношение лексем и фразем в ономасиологических разрядах русского метаязыкового поля отражено на рис. 1, английского – на рис. 2.

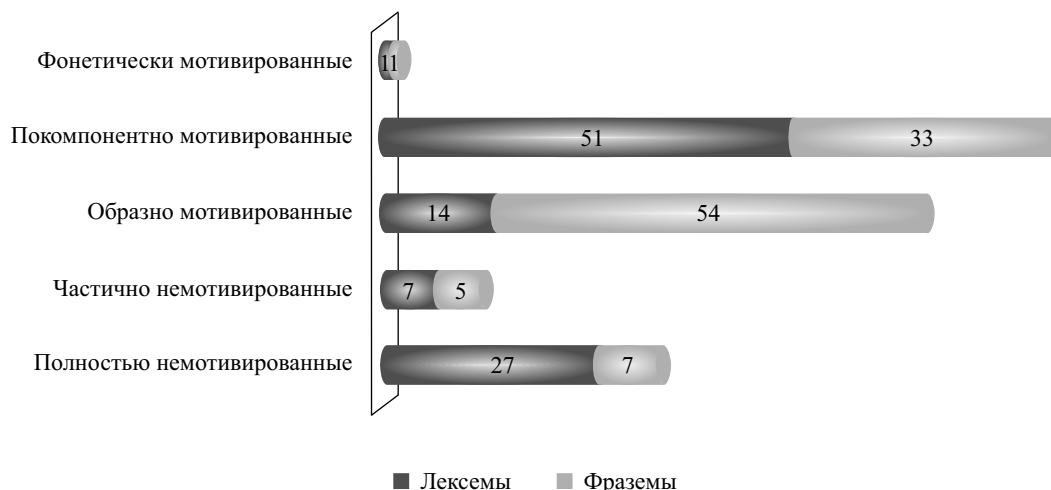


Рис. 1. Процентное соотношение лексем и фразем
в ономасиологических группах русского поля метаязыковых обозначений
Fig. 1. The percentage of the lexemes and phrasemes
in the onomasiological classes of the Russian metalanguage lexical-phraseological field

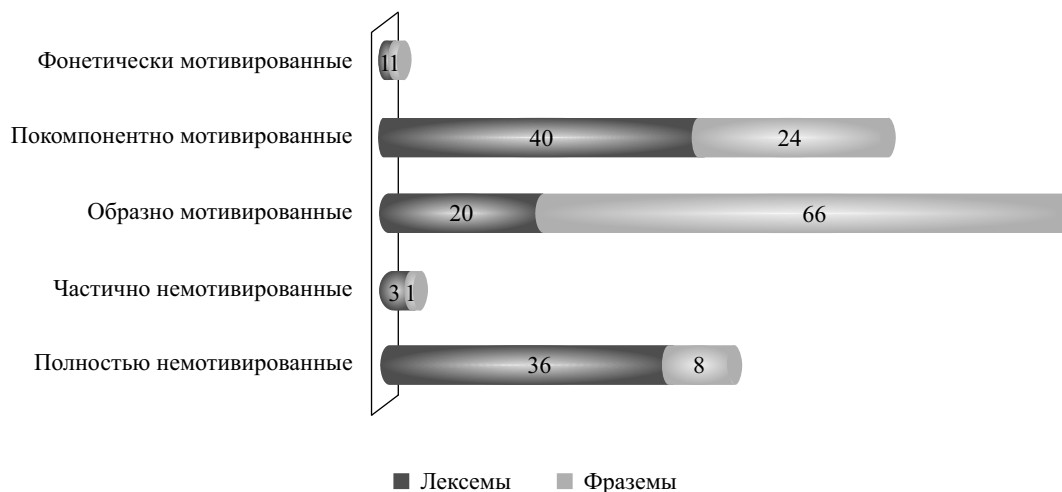


Рис. 2. Процентное соотношение лексем и фразем
в ономасиологических группах английского поля метаязыковых обозначений
Fig. 2. The percentage of the lexemes and phrasemes
in the onomasiological classes of the English metalanguage lexical-phraseological field

В лексических корпусах обоих языков преобладают **покомпонентно мотивированные единицы** с предметно-понятийной семантикой, во фразеологических – **образно мотивированные единицы** с эмоционально-оценочными оттенками значений.

Язык и, в частности, его лексико-фразеологический фонд аккумулируют в своей семантике рациональный и эмоциональный опыт освоения человеком мира. Вопрос о закономерностях распределения между лексикой и фразеологией функций по выражению понятийной и эмотивной семантики в современной лингвистике остается открытым. Одни языковеды полагают, что лексический и фразеологический корпусы (при широком понимании фразеологии, включении в ее состав как идиоматичных наименований, так и неидиоматичных, а также общеупотребительных терминологических наименований) сбалансированы по признаку «нейтральность vs экспрессивность» – представлены мощными пластами репрезентативов (чистых номинативов) и экспрессивов [14, с. 207, 211–212]. Другие исследователи допускают различия между лексикой и фразеологией в спектре обсуждаемой антинимии и считают, что лексем ориентированы на передачу понятийных, а фраземы – эмотивных значений [15, с. 68].

Чисто номинативная, или репрезентативная, функция реализуется лексемами, и фраземами. Однако фразеологическая номинация выполняет хотя и важную, но в определенном смысле дополнительную по отношению к лексической номинации роль. Важность фразем-репрезентативов заключается в том, что большинство из них выступают в роли первичных наименований своих денотатов и не имеют в языке однословных соответствий: *косвенная речь*, *prepositional verbs* ‘предложные глаголы’ (*Online FD*). Дополнительность состоит в том, что они в основном называют признаки лексически именованных сущностей, описывают оставшиеся за рамками лексической номинации подробности: *речь* – *прямая речь* ‘чужая речь, переданная в повествовании без изменений от лица говорящего’ (ФСРЯ, с. 229), *говорить* – *выбирать слова* ‘говорить осторожно, обдумывая каждое слово’ (ФСРЯ, с. 40), *verb* ‘глагол’ – *frequentative verb* ‘глагол со значением многократности’ (*Online IFD*), *tell* ‘сказать’ – *tell it like it is* ‘сказать, как оно есть, не приукрашивая’ (*Online IFD*) (подробно об этом см. в другой работе автора [16, с. 63]). Неравной оказывается и количественная представленность лексем и фразем репрезентативов: в русском и английском материале среди покомпонентно мотивированных единиц с предметно-понятийной, фиксирующей результаты интеллектуального освоения сферы языка и речи, семантикой лексем в среднем в 1,5 раза больше, чем фразем.

Экспрессивная функция осуществляется как фразеологическими, так и лексическими единицами. Однако образно мотивированные фраземы превосходят соответствующие лексем по выразительности: более «мощный» экспрессивный эффект фразем обусловлен тем, что они «отражают образ-ситуацию и выступают как микротекст в тексте» [17, с. 83] (ср. лексему *звонить* и фразему *звонить во все колокола* с общим значением ‘всем, повсюду рассказывать о чем-л.’). Значительное превосходство наблюдается и по числу: в русском и английском корпусах в кругу образных единиц с эмоционально-оценочными, отражающими чувственные переживания оттенками значения фразем в среднем в 3,5 раза больше, чем лексем.

Результаты исследования ономаσιологических свойств метаязыковых наименований вносят вклад в понимание номинативных функций лексики и фразеологии, их роли в обозначении содержащейся в семантической системе языка объективно-логической и субъективно-психологической информации. Полученные количественные и качественные данные свидетельствуют о том, что лексика и фразеология имеют свое номинативное предназначение: лексика специализируется на выражении общих понятийных значений, фразеология – на передаче частных эмотивных (преимущественно) и частных понятийных.

В лексических корпусах русского и английского языков доля синхронно **полностью немотивированных** – непроемких, нечленимых – **единиц** в 4 раза выше, чем во фразеологических корпусах. Объясняется это типологически значимыми особенностями устройства номинативных единиц в рассматриваемых языках. В фузионных языках, к числу которых принадлежат русский и английский, процесс демотивации, утраты в многокомпонентном целом семантической самостоятельности отдельных элементов, естественнее протекает в лексике, чем во фразеологии. Фузионное слово отличается высокой семантической и формальной слитностью, «сплавленностью» структурных компонентов, и поэтому в нем сравнительно легко происходит стирание границ между морфемами, прежде всего между корнем и аффиксом. Появляющиеся в результате опрощения новые непроемкие основы активно функционируют в языке: они пополняют фонд корневых морфем, которые используются для образования новых слов. Утрате мотивированности фразем, обычно провоцируемой архаизацией значений отдельных слов-компонентов, препятствует их раздельнооформленность. Многие фраземы с компонентами в устаревающих значениях подвергаются вторичному – ложноэтимологическому – осмыслению: паронимической, омонимической или полисемантической трансформации компонентов

[14, с. 171–185], в результате чего их образ обновляется, находится (хотя и ценой искажения исходной образности) новое объяснение формы. Другие фраземы продолжают употребляться и после исчезновения образной мотивированности, хотя и менее активно.

Как в лексических, так и во фразеологических подкорпусах рассматриваемых языков немного **частично** – по связанному компоненту – **немотивированных обозначений**. Единицы, включающие элемент с узкой синтагматикой и нечеткой семантикой, не вполне понятны говорящим и поэтому реже употребляются и постепенно уходят из языка. Доля номинативных единиц со связанными компонентами в русском материале больше, чем в английском (связанных лексем 7 % в русском, 3 % в английском корпусе; связанных фразем 5 % в русском, 1 % в английском материале). В качестве самостоятельных элементов часто выступают корни и слова иноязычного происхождения, слабо адаптированные в принимающем языке. Степень ассимиляции заимствований из латинского и французского языков в русском ниже, чем в английском. Слабой освоенностью в русском языке таких иноязычных элементов и объясняется сравнительно более высокий процент обозначений со связанным компонентом.

Меньше всего в метаязыковой лексике и фразеологии обоих языков **фонетически мотивированных единиц**. По мнению В. М. Солнцева, С. В. Воронина, удельный вес звукоподражаний в языках неуклонно снижается: в современных языках их меньше, чем было в период возникновения языков [18, с. 136; 19, с. 145]. Фонетическая мотивировка, возможно игравшая важную роль в эпоху зарождения языков, в современный период уступает место покомпонентной (словообразовательной у лексем, предметно-логической у фразем) и образной мотивировке.

Заключение

В русском и английском метаязыковых полях соотношение мотивированных и немотивированных обозначений составляет 3,2–3,3 : 1, в лексических частях полей 1,6–1,9 : 1, во фразеологических – 7,3–10 : 1. Количественное превосходство наименований, обладающих внутренней формой, говорит о предпочтительности мотивированности в обоих языках. Для фразеологии мотивированность характерна в гораздо большей степени, чем для лексики. Активность разных видов мотивированности в метаязыковой лексике и фразеологии различна: покомпонентная мотивированность преобладает в лексике, во фразеологии находится на втором месте; образный способ представления значения доминирует во фразеологии, в лексике занимает третье место; доля немотивированных обозначений в лексике выше, чем во фразеологии.

Функции лексем и фразем по выражению связанных с языком и речью значений разграничены: лексика актуализирует общее понятийное содержание, обозначает основные рациональные признаки метаязыковых феноменов ('высказывать доводы' – *аргументировать, обосновывать, фундировать, подтверждать*), фразеология обогащает лексически обозначенную понятийную основу рассудочными деталями ('высказывать доводы, апеллирующие к личности оппонента, а не к сути дискуссии, с целью внушить недоверие к его позиции' – *перейти на личности*) и расцветивает ее эмоционально-оценочными оттенками ('(неодобрительное) привести в качестве довода что-л. надуманное' – *притягивать за волосы*).

Таким образом, на фоне лексики фразеология в целом предстает как область номинативных средств с более высокой в основном образной мотивированностью и более конкретной, сфокусированной на эмоциональных (преимущественно) и рациональных деталях семантикой.

Выявленные закономерности ономастологической организации номинативного поля в целом и его лексической и фразеологической составляющих скорее всего не универсальны: по общему признанию, применительно к номинативному уровню языка полные универсалии вряд ли возможны. Будучи представленными в неблизкородственных (принадлежащих разным группам) русском и английском языках, они могут быть квалифицированы как типологически значимые характеристики. Исследование большего количества языков поможет установить, насколько широко распространены вскрытые принципы устройства словаря.

Сокращения

АРФС – Англо-русский фразеологический словарь / сост. А. В. Кунин. М. : Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1956; **МАС** – Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М. : Рус. яз. : Полиграфресурсы, 1999. Т. 1–4; **РФИЭС** – Русская фразеология. Историко-этимологический словарь / под ред. В. М. Мокиенко. М. : Астрель : АСТ : Люкс, 2005; **ФСРЛЯ** – Фразеологический словарь русского литературного языка : в 2 т. / сост. А. И. Федоров. Новосибирск : Наука, 1995; **ФСРЯ** – Фразеологический словарь русского языка / сост. А. Н. Тихонов. М. : Медиа : Дрофа, 2007; **LID** – Longman Idioms Dictionary. Harlow : Pearson Educ. Ltd, 1998; **Online БТС** – Большой толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] /

сост., гл. ред. С. А. Кузнецов. URL: <http://gramota.ru/slovari/info/bts> (дата обращения: 22.11.2018); **Online TCC** – Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный [Электронный ресурс] / сост. Т. Ф. Ефремова. URL: <http://www.efremova.info> (дата обращения: 22.11.2018); **Online ЭСРЯ** – Этимологический словарь русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://etymological.academic.ru> (дата обращения: 22.11.2018); **Online ED** – Online Etymology Dictionary [Electronic resource]. URL: <http://www.etymOnline.com/index.php> (date of access: 22.11.2018); **Online FD** – The Free Dictionary [Electronic resource]. URL: <http://www.thefreedictionary.com> (date of access: 22.11.2018); **Online IFD** – Idioms by The Free Dictionary [Electronic resource]. URL: <http://idioms.thefreedictionary.com> (date of access: 22.11.2018); **Online MT** – Multitran [Electronic resource]. URL: <http://www.multitran.com> (date of access: 22.11.2018).

Библиографические ссылки

1. Пирс ЧС. *Логические основания теории знаков*. Санкт-Петербург: Алетейя; 2000. 352 с.
2. Якобсон РО. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол [1957]. В: Ревзина ОГ, составитель. *Принципы типологического анализа языков различного строя*. Москва: Наука; 1972. с. 95–113.
3. Якобсон Р. В поисках сущности языка [1965]. В: Степанов ЮС, составитель. *Семиотика. Антология*. Москва: Академический проект; 2001. с. 111–126. Совместное издание с «Деловая книга».
4. Гак ВГ. *Сопоставительная лексикология*. Москва: Международные отношения; 1977. 264 с.
5. Солнцева НВ. *Проблемы типологии изолирующих языков*. Москва: Наука; 1985. 253 с.
6. Гутовская МС. Идиоматичность как градуальное свойство фразеологизмов и метод ее исследования. *Веснік БДУ. Серыя 4. Філалогія. Журналістыка. Педагогіка*. 2015;2:32–39.
7. Потебня АА. *Мысль и язык* [1862]. Москва: Юрайт; 2016. 288 с.
8. Виноградов ВВ. *Русский язык. Грамматическое учение о слове* [1947]. Москва: Высшая школа; 1986. 640 с.
9. Гутовская МС. Грамматическая структура лексико-фразеологического поля метаязыковых обозначений в русском и английском языках. *Журнал Белорусского государственного университета. Филология*. 2017;2:58–71.
10. Кубрякова ЕС, Панкрац ЮГ. Деривация. В: Ярцева ВН, редактор. *Языкознание. Большой энциклопедический словарь*. Москва: Большая Российская энциклопедия; 1998. 129–130.
11. Мечковская НБ. Классы идиом и их корреляты в механизмах диахронической фразеологии (на материале восточнославянских, словенского и польского языков). В: Лукашанец АА, редактор. *Мовазнаўства. Літаратуразнаўства. Фалькларыстыка. XIV міжнародны з'езд славістаў (Охрыд, 2008). Доклады беларускай дэлегацыі*. Минск: Права і эканоміка; 2008. с. 149–172.
12. Mel'čuk IA. Phrasemes in language and phraseology in linguistics. In: Everaert M, Linden E-J, van der Schenk A, Schreuder R, editors. *Idioms: Structural and Psychological Perspectives*. Hillsdale: Lawrence Erlbaum Associates; 1995. p. 167–232.
13. Земская ЕА. *Современный русский язык. Словообразование*. Москва: Флинта; 2012. 323 с.
14. Мокиенко ВМ. *Славянская фразеология*. Москва: Высшая школа; 1989. 287 с.
15. Мечковская НБ. Образная концептуализация градуально-количественных представлений в русской фразеологии. В: Jachnow H, Drechsler T, Idrizovic Z, editors. *Kognition, Sprache und phraseologische/parömiologische Graduierung*. Weisbaden: Harrassowitz; 2005. p. 58–153.
16. Гутовская МС. Тематическая организация лексико-фразеологического поля метаязыковых обозначений в русском и английском языках. *Журнал Белорусского государственного университета. Филология*. 2018;1:49–65.
17. Телия ВН. *Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты*. Москва: Языки русской культуры; 1996. 288 с.
18. Солнцев ВМ. *Язык как системно-структурное образование* [1971]. Москва: Недра; 1977. 341 с.
19. Воронин СВ. *Основы фоносемантики* [1982]. Москва: URSS; 2006. 239 с. Совместное издание с «Ленанд».

References

1. Peirce ChS. *Logicheskie osnovaniya teorii znakov* [Logical foundations of the theory of signs]. Saint Petersburg: Aletheiya; 2000. 352 p. Russian.
2. Jakobson RO. [Shifters, verbal categories and the Russian verb]. In: Revzina OG, compiler. *Principles of typological analysis of different languages*. Moscow: Nauka; 1972. p. 95–113. Russian.
3. Jakobson R. [Quest for the essence of language]. In: Stepanov YuS, compiler. *Semiotika. Antologiya* [Semiotics. Anthology]. Moscow: Akademicheskii proekt; 2001. p. 111–126. Co-published by the «Delovaya kniga». Russian.
4. Gak VG. *Sopostavitel'naya leksikologiya* [Comparative lexicology]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya; 1977. 264 p. Russian.
5. Solntseva NV. *Problemy tipologii izoliruyushchikh yazykov* [Problems of typology of isolating languages]. Moscow: Nauka; 1985. 253 p. Russian.
6. Gutovskaya MS. Idiomaticity as a gradual property of phraseological units and method of its study. *Vesnik BDU. Seriya 4. Filologiya. Zhurnalistyka. Pedagogika*. 2015;2:32–39. Russian.
7. Potebnya AA. *Mysl' i yazyk* [Thought and language]. Moscow: Yurait; 2016. 288 p. Russian.
8. Vinogradov VV. *Russkii yazyk. Grammaticheskoe uchenie o slove* [The Russian language: grammatical theory of the word]. Moscow: Vysshaya shkola; 1986. 640 p. Russian.
9. Gutovskaya MS. Grammatical structure of the metalanguage lexical-phraseological field in the Russian and English languages. *Journal of the Belarusian State University. Philology*. 2017;2:58–71. Russian.
10. Kubryakova ES, Pankrats YuG. Derivation. In: Yartseva VN, editor. *Yazykoznanie. Bol'shoi entsiklopedicheskii slovar'* [Linguistics. Big encyclopedic dictionary]. Moscow: Bol'shaya Rossiiskaya entsiklopediya; 1998. p. 129–130. Russian.
11. Mechkovskaya NB. [Classes of idioms and their correlates in the mechanisms of diachronic phraseology (on the material of the East Slavic, Slovenian and Polish languages)]. In: Lukashanec AA, *Movaznavstva. Litaraturaznavstva. Fal'klarystyka. XIV*

mizhnarodny z'ezd slavistaw (Ohrid, 2008). Daklady belaruskaj djelegacyi [Linguistics. Literature. Cultural Studies. Folklore. XIV International Congress of Slavists (Ohrid, 2008). Reports of the Belarusian delegation]. Minsk: Prava i jekonomika; 2008: p. 149–172. Russian.

12. Mel'čuk IA. Phrasemes in language and phraseology in linguistics. In: Everaert M, Linden E-J, van der Schenk A, Schreuder R, editors. *Idioms: Structural and Psychological Perspectives*. Hillsdale: Lawrence Erlbaum Associates; 1995. p. 167–232.

13. Zemskaya EA. *Sovremennyi russkii yazyk. Slovoobrazovanie* [Modern Russian language. Word formation]. Moscow: Flinta; 2012. 323 p. Russian.

14. Mokienko VM. *Slavyanskaya frazeologiya* [Slavic phraseology]. Moscow: Vysshaya shkola; 1989. 287 p. Russian.

15. Mechkovskaya NB. [Figurative conceptualization of gradual-quantitative notions in Russian phraseology]. In: Jachnow H, Drechsler T, Idrizovic Z, editors. *Kognition, Sprache und phraseologische/parämiologische Graduierung*. Weisbaden: Harrassowitz; 2005. p. 58–153. Russian.

16. Gutovskaya MS. Thematical organization of the metalanguage lexical-phraseological field in the Russian and English languages. *Journal of the Belarusian State University. Philology*. 2018;1:49–65. Russian.

17. Teliya VN. *Russkaya frazeologiya. Semanticheskii, pragmaticheskii i lingvokul'turologicheskii aspekty* [Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguistic-cultural aspects]. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury; 1996. 288 p. Russian.

18. Solntsev VM. *Yazyk kak sistemno-strukturnoe obrazovanie* [Language: a system and a structure]. Moscow: Nedra; 1977. 341 p. Russian.

19. Voronin SV. *Osnovy fonosemantiki* [Fundamentals of Phonosemantics]. Moscow: URSS; 2006. 239 p. Co-published by the «Lenand». Russian.

Статья поступила в редколлегию 12.04.2019.

Received by editorial board 12.04.2019.